

Там норовил затеять пляски,
Поужинав, иль хоровод
Развеселившийся народ.
Деревья майские сажали ¹²⁰
В ту ночь, звенели смехом дали.
Гильем с хозяином стояли
Средь сада: в городском квартале
Звучало пение кансон,

2670

С окраин птичий перезвон
Летел из-под листвы зеленой.
Знать, сердцем огрубел влюбленный,
Коль звукам тем не удалось
Разбить его, пройти насквозь,
И нанесенные любовью
Рубцы не засочились кровью.
Закрылись за полночь дома.
Хозяин тонок был весьма
И молвил: «В это время все

2680

Домой уходят: по росе
Не погуляешь беззаботно».
Гильем вернулся неохотно
К себе и лег в постель, где днем
Он отдыхал; глубоким сном
Объята свита; и с собой
Вступает он в нелегкий бой,
Не раз шепча: «Амор, Амор!
Надежды нет, коль до сих пор
Подмога ваша не поспела.

2690

Скорее отправьте к сердцу тело,
Их вместе в башне хороня,
Иль потеряете меня.
Без сердца человек мертвец,
Так вот: займетесь, наконец,
Вы мной, иль быть должны готовы
Дурить влюбленного другого,
А я уйду: куда? не знаю! -
Как все, к неведомому краю,
Узнать, дана ль такая вам

2700

Власть, как на этом свете, там.

¹²⁰ Обычай, берущий начало в языческом празднике возрождения природы. В первый день мая (т. е. в «календы мая», см. ст. 2790, 3231 – 3236 и примеч. 122) по улицам проносили так называемое «майское дерево», пышно разукрашенное, на площади втыкали («сажали») его в землю и водили вокруг него хороводы и танцевали.